

Борис Машук

(1937 - 2000)

Уроженец г. Свободного,
Член Союза писателей СССР.

Мужики

Длинное корыто медленно и тяжело пересекло озеро. На его корме стоял Матвей с непокрытой головой, в расстегнутой рубашке. Упираясь длинным, на большую воду рассчитанным шестом, он направлял корыто к берегу, и почти в такт его толчкам из-за обшарпанного края борта появлялась голова семилетнего Саньки с выгоревшим чубом. Жестяной банкой он черпал из корыта воду и выливал за борт.

Причалив, мальчишки вытянули посудину на отмель. Подвернув штаны, Матвей вошел в воду. Выдернул скрытый под рябью колышек, выбрал привязанную к нему веревку и, отступая на песок, потащил за собой мордушу из тальниковых прутьев.

— Есть, Матвей, есть! — хлопнув в ладошки, радостно закричал Санька. — Смотри, как в середине хлескает!

Старший молча отволол мордушу подальше от воды и, открыв горловину, высыпал рыбу на песок. Тут же коротко приказал другу:

— Собирай!

Санька закопошился с вещмешком, поглядывая на Матвея, вытаскивающего еще одну мордушу. И опять, подпрыгнув на теплом песке, вскрикнул:

— Поймали! Матюш! Полная!

За это он тут же получил подзатыльник.

— Сглазить хочешь? — строго спросил Матвей.

Сидя на корточках, ребята начали собирать рыбу в мешок. За делом они не сразу увидели идущего от кустов босоногого молодого дядьку в галифе и распахнутой гимнастерке с медалью. Увидели, когда тот был уже рядом. Насторожились, но дядька с улыбкой спросил:

— Ну как, мужики, на жареху-то будет?

Ребятишки посмотрели на встречного с удивлением. Матвей молча сунул в мешок зевающего карася. А дядька, неловко присев, опять улыбнулся, кивнул на блестящих карасей, гольянов и темных ротанов, похвалил:

— Ну-у, у вас и на жареху, и на уху хватит!

Матвей серьезно ответил:

— У нас и артель не малая...

— Что за артель? Семья, что ли?

— Зачем — семья?.. Я в доме третий... Да на свежину едоки завсегда наберутся...

Шмыганув облупленным носом и торопясь стать полезным при разговоре старших, Санька объяснил:

— Мы, дядька, для двух дворов рыбу ловим. И еще на бригаду! Покосчиков ухой кормим...

— А рыбу берете подряд? — спросил незнакомец, тоже бросая в мешок рыбешку.

— Не-е, — опять поспешил Санька. — Каку чистить неловко — обратно в воду пускаем.

— Мы тоже так рыбачили, — улыбнулся дядька. — Мелочь выпускали и просили у бога рыбку побольше.

— Ха, бога-то нет, — подсек его Санька. — Мамка сказывала, был бы бог, так он бы войну не пустил по земле...

— А рыбалили где? — перебив приятеля, поинтересовался Матвей.

— Далеко, брат! Далеко и давно. В самом детстве...

— Хитрый! — крутнув головой, хихикнул Санька и глянул на друга: — Видал, Матвей? Не говорит, где!

— Ну почему же хитрый? — запротестовал незнакомец. — Если уж точнее, то на Большанке. Которая около райцентра течет. Знаете?

— Во-он с каких мест... — протянул Матвей. — А к нам-то зачем?

— Уполномоченный я, по финансам инспектор. Прозоров моя фамилия. Из района приехал к вам поездом, шел от полустанка, да вот не дошел... Раненая нога разболелась. Решил отдохнуть на берегу, а тут, смотрю, вы на своем линкоре плывете...

Матвей, помолчав, вздохнул:

— Налоги, значит, собираете...

— Налоги, — подтвердил Прозоров. — Напоминаю людям, что от них требуется...

— Да было бы чем налог заплатить, никто бы и не ждал, пока скажут...

Санька бросил в мешок последнюю рыбешку, вытер ладони о штаны и похвастал:

— А моя мамка для фронта из старой шубы аж десять рукавиц сшила. Вот!

— Теплые рукавицы на фронте нужны, — закурив, одобрительно заметил Прозоров.

— И вы воевали? — глянув на медаль, спросил Матвей, соорудив

жая из травы новую затычку для мордуши.

— Воевал, — нахмурился Прозоров. — Да вот отвоевался... В бедро крупнокалиберная попала, и в плече осколок сидит. Как говорят, вылетел из обоймы...

— Ух, я бы этих фрицев! — Маленький Санька даже ногой при-топнул, тряся кулаком.

Матвей насмешливо посмотрел на друга и осадил его:

— Расхрабрился, вояка! Там не таких убивают. — Он повернулся к Прозорову: — У нас в деревне уже в четыре дома похоронки пришли... И что пустое брехать. Каждый человек при своем деле находится, о деле и должен говорить. О том, что ему по силам.

«Мудрец...» — тая усмешку, подумал Прозоров и тут вспомнил недавний разговор в районном комитете партии. «Не могу, — сказал он секретарю через месяц работы на новой должности. — Не могу требовать, штрафовать, видя слезы... Не могу! И смотрят на меня, как на личного врага. Пошлите в депо. Лучше паровозы ремонтировать буду. Сколько сил хватит...»

Он ждал шумного разговора и был готов к нему. Но секретарь внимательно посмотрел на него, устало потер седые виски, негромко спросил: «А ты почему не носишь свою медаль? Тебе ж ее за отвагу дали. — Помолчал и заговорил с тем же спокойствием, негромко, вроде сам с собой: — Знаешь, товарищ Прозоров, я вот тоже устал нажимать, убеждать, требовать почти невозможного... Устал! И мне хочется иногда попросить, чтобы рекомендовали на мое место другого. А разве другому легче будет эти обязанности выполнять? Ведь и у него имеются душа, сердце и вся нервная система со слабостями... А делать порученное дело надо... Надо, понимаешь? От жизни не уйти, не спрятаться...»

Секретарь замолчал, склонив голову. И Прозоров тихо поднялся со стула. Уже открывая дверь кабинета, он услышал: «Медаль-то надень... С ней тебя лучше понимать будут».

Послушавшись, Прозоров скоро понял, что с медалью на груди он был для людей не просто налоговым инспектором, а человеком с фронта, имеющим другие права для своих обязанностей. Но все равно было трудно. И здесь, у озера, Прозоров хотел не просто передохнуть, дать успокоиться ранам, а хотя бы на время забыться, побыть наедине с солнцем и тишиной. Но вот и этого не получилось...

Прозоров посмотрел, как ребята готовятся забросить мордушу, поинтересовался:

— А ты, Матвей, о какой артели говорил, если сам в семье третий?

Мальчишка растирал внутри мордуши картофелину и отве-

тил не сразу:

— Я третий... А Санька, — он мотнул головой в сторону друга, — пятый в семье. И один мужик на весь дом. У них мать, бабка старая и две сестренки, по четыре годочка всего...

— Близнята они, — сверкнув глазами, опять хвастанул маленький.

— Понятно! — Прозоров улыбнулся, наблюдая, как ловко тот затягивает на мокром мешке сделанную петлю. — А отец где? На фронте?

— На фронте, — вздохом отозвался Санька.

— Пишет?

— Редко... Ему же там некогда.

Прозоров положил руку на плечо мальчишки, легонько встряхнул, прижал к себе.

— Не горюй, Санька... Для всех нас у немца ни пуль, ни снарядов не хватит. Жди хорошо, и вернется отец... Обязательно вернется. И тогда в вашем доме прибавится мужиков... А?

Санька улыбнулся в ответ, но опять не удержал вздоха. Тут же он посоветовал Матвею бросать мордуши на глубину, где крупняк жирует. И озабоченно спросил:

— Взавтреве, Матюш, надо бы проверить опять, а? Теплынь стоит, задохнется рыба... Как думаешь?

— Посмотрим, — выходя на берег, ответил Матвей. — Будет время — проверим...

— Нам завтра на покос или к телятам?

— С утра будем с телятами.

— А чьих телят вы пасете? — спросил Прозоров.

— Колхозных, чьих же еще... Мы с Санькой за малышами присматриваем, с его матерью вперемежку. Она-то на покос еще ходит... Вот тогда мы и пасем молодняк.

— Непутевые они животные, телята эти, — сердито проговорил Санька. — Лезут всегда куда и не нужно вовсе... А вот с конями хорошо! В озере их можно купать, копны верхом возить...

— С конями всегда хорошо, — улыбнулся и Прозоров. — Я тоже когда-то копны возил.

— Да нам-то коней дают не всегда, — усмехнулся Матвей. — Вот когда конюхом был дядя Федор Орлов, у нас и скачки устраивали, и мы вперегонки гоняли. Да забрали Федора на фронт, а конюхом Серафима поставили. Этот говорит, что малы мы к коням.

— Не признает?

— Да ну его... Вожжами шуганул от конюшни.

Настраивая последнюю мордушу, Матвей рассказал, как они

провинились перед конюхом. После работы на покосе взяли и сразу погнали коней к водопою. А этого, оказывается, делать нельзя — коней застудить можно. За что и ругал их Серафим.

Слушая Матвея, Прозоров вспомнил теплую ночь из детства, костерок на сухом косогоре, рядом с Большанкой, тени от голубых в лунном свете деревьев. Туман в тихой низине, из которой слышно сочное похрумкивание пасущихся лошадей, голоса колокольчиков, привязанных к могучим шеям... И они, мальчишки, в ночном, равные среди равных, уже знающие цену дружбе, мечтают у лоскутка пламени о дальних странах, о неизведанном, что скрыто за линией горизонта.

Глухая тоска о прошедшем и боль в ноге напомнили ему другую ночь и другую низинку; опять он увидел, услышал те пулеметы. Как они хлестали, как торопились разбросать смерть! Рота наших солдат полегла в той клочковатой низинке. Десятки молодых, здоровых, хороших людей... И Прозорову показалось вдруг, что тогда, падая на отбитом у врага пригорке, обожженный пулей, он тоже помнил тот косогор у Большанки, костерок, голоса колокольчиков. Но может, это только казалось...

— И куда же вы сейчас? — спросил он ребят, ополаскивающих руки.

— Домой, а потом — на покос, — повернув широколобую голову, ответил Матвей. — Бригаду кормить надо. На затирухе стога вершить трудно.

— Председатель тоже там?

— Председатель-то наш на фронте. — Матвей отошел к корыту, помолчал, прищурился, рассматривая его. — Заместо него пока бригадир поставлен. Вот он и вершит с мужиками. Работает день, а потом стонет ночами. Хворый он, желудком какой год мается...

— Что же в больницу не съездит?

— Да как же ему ехать? — нахмурился Матвей. — Сейчас самый покос, вот-вот уборка начнется.

Маленький Санька тоже вставил слово:

— На машинном дворе еще комбайн неремонтированный стоит... А тут третьего дня кузнецу похоронка пришла...

— Делов много, — вздохнул Матвей. — Только вертись...

Прозоров помог ребятам слить из корыта воду. Они уложили в него единственное весло, шест, доску-скамеечку и мешок с рыбой. Став с шестом на корму, Матвей оттолкнулся от берега, потом подвел корыто носом к отмели, чтобы Саньке было легче в него забраться. И едва тот сел, сразу распорядился:

— Бери банку, вычерпывай!

Потом, спохватясь, он предложил Прозорову:

— А то садитесь с нами? Мы за озеро перевезем, а напрямую тут ближе.

— Да нет уж, — махнул рукой Прозоров. — Через мостик пойду.

— Я как лучше хотел.

— Ничего. Бывайте, ребята. А ты, Санька, никогда не хвастай уловом. Сглазят!

Санька высунулся из-за борта корыта, сморщился и проговорил с восхищением:

— Смотри ты какой! Хитрый!

Корыто толчками приближалось к теням деревьев, росших на другом берегу. Проводив его взглядом, Прозоров медленно направился к кусту, под которым оставались его сапоги, фуражка и полевая сумка.

Он обулся, перетянул себя солдатским ремнем и подхватил сумку со списками налогоплательщиков. Посмотрев на другой берег, он опять увидел ребят. Чуть сгибаясь под тяжестью мешка, впереди шагал Матвей, а за ним, белая рубашкой, поспешал маленький Санька.

